

Беларусь: российский буфер от НАТО?¹

Евгений Прейгерман

Периодически в медийном пространстве (особенно в западных странах) встречается мнение о том, что Беларусь является буферным государством. Обращаясь к концепции буфера, некоторые авторы пытаются охарактеризовать стратегическое место Беларуси в системе региональной безопасности. Автоматическое использование этой концепции отсылает к международной субъектности страны, ее возможностям и ограничениям в международной политике.

Насколько оправдано применение концепции буферного государства к Беларуси? Есть ли для этого теоретические и эмпирические основания? И самое главное: насколько концепция буфера помогает понять положение Беларуси в региональных отношениях и логику ее внешней политики? Попробуем ответить на эти вопросы на нескольких уровнях анализа.

Системный уровень анализа

Классическое определение буферного государства в теории международных отношений является системным. Другими словами, оно характеризует структурное место государства в международных отношениях и при этом обуславливает статус буфера наличием признаваемых крупными государствами международных договоренностей (формальных или неформальных). Так, Джон Чей и Томас Росс определяют буферное государство как «относительно небольшое и нейтральное государство, которое находится между двумя более крупными государствами или политическими единицами».² Найт уточняет это определение: «буфер обычно расположен между двумя или более сильными и конфликтующими между собой сферами влияния; [буфер] разделяет соперничающие

¹ Комментарий подготовлен в рамках участия в международном семинаре «Россия: вызовы следующего президентского срока 2018-2024 гг.», организованного Французским институтом международных отношений Ifri (Париж, 16 ноября 2017 года).

² Chay, J. and Ross, T., eds. (1986) *Buffer States in World Politics*. Westview Press: Boulder.

стороны, чтобы снизить вероятность физического контакта или конфликта между ними».³ То есть буферное государство, как правило, обладает двумя основными характеристиками:

1. географически находится между геополитическими соперниками;
2. является преимущественно нейтральным по отношению к их противостоянию и тем самым разделяет их сферы влияния, при этом нейтральный статус буферного государства обычно признан геополитическими конкурентами и «вписан» в региональный расклад (некоторые авторы не выделяют нейтральность в качестве атрибута буферного государства, однако без этого атрибута на системном уровне анализа размывается граница между понятиями «буфера» и, например, «сателлита» или «плацдарма»).

Очевидно, что Беларусь полностью соответствует первой характеристике и не соответствует второй. В последние годы Минск демонстрирует стремление занимать нейтральную позицию по отношению к российско-украинскому конфликту и в целом – по отношению к противостоянию России и Запада. Однако нейтральный статус Минска в сегодняшних условиях не имеет полноценного признания со стороны субъектов геополитического конфликта (на системном, а не ситуационном уровне).

Во-первых, Беларусь является военным союзником одной из сторон этого конфликта – России. Во-вторых, другая сторона (Запад) пока отказывается признавать даже самую возможность существования сфер влияния и государств-буферов в Восточной Европе. В-третьих, возникновение белорусского буфера имело бы смысл лишь при условии буферизации всего «серединного региона». То есть фактически буфером Беларусь может быть только вместе со всем регионом Восточной Европы. Как минимум, такой же статус должен быть у Украины и Молдовы. В противном случае буфер-Беларусь не будет иметь никакого практического смысла ни для России, ни для Запада. А в настоящее время Киев и Кишинев позиционируют себя даже не как срединные страны, а как «передовые линии фронта» в цивилизационной борьбе Запада с Россией.

Более того, различные региональные акторы (главным образом, менее крупные государства региона) не учитывают нейтральные устремления Минска в своей внешнеполитической деятельности. В отличие от Беларуси, они считают, что дальнейшая международная эскалация соответствует их интересам, и предпринимают дипломатические и информационные меры для ее стимулирования. Такая линия поведения не только входит в противоречие с белорусской, но и существенно ограничивает возможности самого Минска строго следовать нейтральной линии (так как постоянно «тестирует» Беларусь на нейтральность в зачастую искусственно создаваемых ситуациях).

Защитный кордон для более сильного?

Часто можно встретить и другое определение буфера, которое отражает не системные расклады, а стремление более сильных государств в одностороннем порядке использовать меньшие государства в качестве защитного кордона от угроз собственной безопасности.

³ Knight, D. B. (1988) 'Review'. *Geographical Review*, 78 (1): 93-95.

Такое определение вряд ли можно считать научным, так как оно слишком «размыто» и позволяет достаточно произвольно использовать категориальный аппарат. Тем не менее, оно распространено в публицистике и медийной сфере.

В духе именно такого определения президент Польши Анджей Дуда заявил в интервью *Financial Times* в августе 2015 года, что НАТО обращалось с его страной как с буферным государством.⁴ Он обосновал свое утверждение «диспозицией баз НАТО»: альянс не имел постоянного и серьезного военного присутствия на территории Польши и в Восточной Европе в целом. Это, по мнению польского президента, свидетельствовало о том, что своей окраиной НАТО рассматривало Германию, а Польшу – буфером. Очевидно, что президент Дуда использовал такой подход к определению буферного государства в политических целях. Однако попробуем «приложить» это определение к анализу места Беларуси в региональной безопасности.

С одной стороны, некоторую параллель найти можно. Как известно, в 2016 году Россия открыла в непосредственной близости с границей с Беларусью две военные базы: в Клинцах Брянской области и Ельне Смоленской области. Эти действия России многие интерпретировали как стремление уйти от ситуации, когда дорогу на Москву с западного направления прикрывает только белорусская армия. То есть, по сути, как показатель восприятия Беларуси со стороны Москвы именно как буфера.

Однако вне зависимости от российской мотивации создания баз в Клинцах и Ельне анализ будет неполным без одного существенного фактора. Эти базы появились после того, как стало понятно, что Минск не хочет иметь на своей территории российскую авиационную базу и другие формы постоянного военного присутствия вооруженных сил России. Предложения об открытии в Беларуси российской базы обсуждались не один год. Перед президентскими выборами в Беларуси 2015 года российский президент даже отдал распоряжение своим МИД и Минобороны провести переговоры и подписать межгосударственное соглашение о создании авиационной базы на белорусской территории.

Даже если предположить, что базы в Клинцах и Ельне появились бы в любом случае, сам факт желания иметь авиационную базу в Беларуси может говорить о том, что в качестве буфера Беларусь российское руководство не рассматривало. В желаемых стратегических раскладах ей отводилось другое место – передовой линии обороны (обеспеченной присутствием российских вооруженных сил). К тому же, в последние годы эксперты обращают внимание на проблему, связанную с нежеланием России поставлять союзнику современное вооружение. Такая линия, вероятно, также свидетельствует не о стремлении к буферизации Беларуси, а о намерении «подтолкнуть» Минск к принятию решения в пользу российской базы на своей территории.

Логика Беларуси

Наконец, еще один уровень анализа – сама Беларусь. Заинтересована ли она быть буфером России против НАТО? Или буфером в любом другом виде?

⁴ <http://www.ft.com/intl/cms/s/o/d6749156-410e-11e5-b98b-87c7270955cf.html#axzz3jijBxlHwX>

Наверное, ни одно государство в мире по собственной инициативе не выбрало бы для себя роль буфера: не хотело бы ни именоваться буфером, ни жить в постоянном напряжении от конфликта между более сильными государствами. Так и Беларусь, по словам министра иностранных дел Владимира Макея, хотела бы избежать участи «буферной зоны на стыке между Востоком и Западом, потому что в данном случае всегда есть опасность для этой зоны, для этого буфера быть разрушенным».⁵

Однако государства существуют и взаимодействуют не в идеальном мире, а в данных им политических реалиях. И иногда роль буфера может быть не самым худшим вариантом. Например, быть буфером в некоторых обстоятельствах может быть предпочтительнее, чем быть плацдармом одного из противоборствующих акторов против другого. Но чувствовать себя хотя бы минимально защищенным государство-буфер может лишь при наличии системных договоренностей и, соответственно, гарантий. В таком случае государство-буфер обменивает сокращенное поле для собственного маневра на относительную стабильность и предсказуемость. Гарантий же безопасности в Восточной Европе, подчеркнем еще раз, сегодня нет, и в краткосрочной перспективе их появление не просматривается. В этих условиях стремление к роли буфера для малого «серединного государства» почти самоубийственно.

Таким образом, аналитическая ценность концепции буфера в отношении внешней политики Беларуси сомнительна. Ни на одном уровне анализа эта концепция не помогает понять структурное место и международные возможности страны. Поэтому, очевидно, что для концептуального осмысления Беларуси в системе региональной безопасности необходимы иные подходы.

Евгений Прейгерман

Руководитель экспертной инициативы «Минский диалог»

⁵ <http://mfa.gov.by/press/statements/bbc79f3feb92e5d3.html>